

Translations

Übersetzungen

Traduzione

Преводи

Překlady

Переводы

Псковское шоссе

Белые церкви над родиной там, где один я.
Где-то река, где тоска, затянув перешеек...
Черные птицы снуют над своим отраженьем.
Кони плывут и плывут, огибая селенья.
Вот и шоссе. Резкий запах осеннего дыма.
Листья слетели, остались открытыми гнезда.
Рванный октябрь, и рощи проносятся мимо.
Вот и река, где тоска, что осталось за ними?

Я проживу, прокричу, словно осени птица.
В грязном дожде всё на веру приму, кроме смерти,
около смерти, как где-то река возле листьев,
возле любви и не так далеко от столицы.
Вот и деревья. В лесу им не страшно ли ночью?
Длинные фары пугают столбы, и за ними
ветки стучат и кидаются тени на рощи.
Мокрый асфальт отражается в коже любимой.

Всё остается. Так здравствуй, моя запоздалость!
Я не найду, потерю, но что-то случится.
Возле меня, да и после кому-то осталась
рваная осень, как сбитая осенью птица.
Белые церкви и бедные наши забавы!
Всё остается, осталось и, вытянув шею,
кони плывут и плывут, окунаются в травы,
черные птицы снуют над своим отраженьем.

1961

Translated into English by Anna Aronzon

Pskov Highway

White churches above the homeland there, where I vanish,
Somewhere a stream, where a dream, having tightened the isthmus...
Black birds scurry above their reflection,
Horses drift and drift, around the parish.
Here is the highway, sharp smell of the autumn haze,
Leaves have fallen, exposed nests remain,
Tattered October, and groves make ways,
There is a stream, where a dream, what is left in their place?

I will live, I will grieve, like a bird of the fall,
In a dirty rain, I'll believe in it all, but the death,
Close to death, as somewhere a stream near leaves,
Near love and not far from the capital heaps.
There are trees, aren't they afraid of the night in the woods?
Distance lights scare the road polls and past them
Branches bang and shadows flare at hemp,
Soaked asphalt reflects in my lover's tan.

All will remain. So hello, my delay!
I will not find, will loose, but it will befall,
Near me, and after for someone will stay
Tattered autumn, like a bird confused by the fall.
White churches and our humble sass!
All remains, remained and, stretching perfection,
Horses drift and drift, diving into the grass,
Black birds scurry above their reflection.

1961

***

Бродскому

Серебряный фонарик, о цветок,
запри меня в неслышном переулке,
и расколись, серебряный, у ног
на лампочки, на звездочки, на лунки.

Как колокольчик, вздрагивает мост,
стучат трамваи, и друзья уходят,
я подниму серебряную горсть
и кину вслед их маленькой свободе,
и в комнате оставленной, один,
прочту стихи зеркальному знакомцу
и вновь забьюсь у осени в груди
осколками, отбитыми от солнца.

Так соберем веселую кудель,
как забывают горечь и обиду,
и сядем на железную ступень,
на города истоптанные плиты,
а фонари неслышные мои
прошелестят ресницами в тумане,
и ночь по переулку прозвенит,
раскачиваясь маленьким трамваем.

Так соберем, друзья мои, кудель,
как запирают праздничные платья,
так расколись на стеклышки в беде,
зеркальный мой сосед и почитатель.
Фонарик мой серебряный, свети,
а родине еще напишут марши
и поднесут на праздники к столу,
а мне, мой Бог, и весело, и страшно,
как лампочке, подвешенной к столбу.

<1961?>

***

To Brodskij

A silver lamp-post, flower bud,
Imprison me in stifled alleyways
And break, my silver dear, at my body's strut
Into the lamps, the stars, the crescent rays.

And like the bells, the bridges shiver,
The trains clatter, and friends move on,
I will pick up a silver sliver
And toss it after their teeny freedom,
And in abandoned room, alone,
Will read the poems to my mirror pal
And beat again in autumn's chest
With fragments, broken of the Sun.

So let us call a blissful revel,
As to forget bitterness and hurt,
And sit on iron city stair,
The city's rubbed of marble blocks,
And then my dear quiet lamp-posts
Will rustle with their eyelashes in the haze,
And in the alley the night will hustle,
Swaying with a tiny train's face.

So let us call, my dear friends, a revel,
As if to store the festive wear,
So break into the fragments in a bidet,
My mirror twin and loyal heir.
My dear silver lamp-post, smolder,
And marches will be written to the land
And there will be service at the table,
But I, my God, elated, and afraid,
As if a tiny light hanging of the cable.

<1961?>

***

Есть в осени присутствие зеркал,
 объем их мнимый в воздухе осеннем,
 когда и небо тускло и река,
 и первый лед, скребясь о берега,
 проносит птиц недвижные тени;
 когда к реке, спускаясь по ступеням,
 я вижу, отделенные стеклом,
 то острова, то длинный царский дом,
 то Охту, где буксиры да репейник.
 Еще везде, смотрю, полусветло,
 еще артель ворочает весло,
 и возле ног еще ярится в пене
 измятый лист, пропахший наводнением.

5 января 1964

***

Погода – дождь. Взираю на свечу,
 которой нет. Не знаю состоянья,
 в котором оказаться я хочу,
 но и скончаться нет во мне желанья.

Сплошное «нет». Как будто бы к врачу
 пришел я показать свое страданье
 и вместо аааааа я нееееет ему мычу,
 и нету сил мне оборвать мычанье.

Но мы способны смастерить сонет:
 сбить доски строчек гвоздиками рифмы.
 На этот труд два полчаса убив, мы

не просчитались: гроб есть и скелет.
 Убитый час мы помещаем в гроб
 и, прежде чем закрыть, целуем в лоб.

<1968?>

***

There is a sense of mirrors in the fall,
 The form is a suspicion in the autumn air,
 When sky is dusky and also is the stream,
 And virgin ice against the water brim
 Rushes by birds' stationary image;
 When taking steps towards the water limit
 I may be, see, divided by the glass,
 A hint of islands or a hint of lengthy royal palace
 Or a hint of Ohta where are weeds and ferries.
 Surrounding, I see, it's still half glow,
 And crew still moves the paddle with the flow,
 And by the feet still dances in the foamy mud
 Crunched leaf soaked with the autumn flood.

January 5, 1964

***

The weather – rain. Gaze at the candle,
 It is not there. Do not know condition
 That I desire my life to handle
 But to expire I is not my volition.

Constant “No”. As if to healer
 I came to show my affliction
 And instead of “Yeaah” I “Noooo” squeal,
 And have not the strength to stop my rendition.

But we are capable of mastering a sonnet song:
 To knock the boards of lines with the nails of rhymes.
 And having killed two hours on this task, we

Do not miss: have a coffin and a skeleton.
 Killed hours we place in the tomb
 And, right before the close, kiss on the forehead dome.

<1968?>

Прогулка

Часть 1

Глава 1

Когда один я набережной узкой
тащился вдоль заборов захолустных, –
там, что ни шаг, дорога всё опасней, –
великолепные тогда мне снились казни,
подробности их. Сглюданный ветрами
сад, по стене вытягиваясь, шарил,
и, оттопырив снег, сухой репейник
казался знаком тьмы и запустенья.
То крупно, то чуть видимо дрожа,
сад расплескался, будто я разжал
кулак, его сжимавший до сих пор.
Я оглянулся – вот пейзаж: забор,
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник и затем стена,
стена без окон, неприглядный дом...
И понял я, что мне давно знаком
весь этот вид с безжизненной стеной.
Я в сад вошел, и тень моя за мной.
Рывками ветер долетал с канала,
был сад проекцией, но без оригинала.
Плоски деревья были, наст был тверд.
Я шел дичась, как будто бы я вор.
Я проходил сквозь черные стволы,
сад шарил по стене, как будто плыл,
как будто бы всплывал из глубины,
неотделим от плоскости стены.
Сад выгребал, вытягиваясь вверх.
Я шел всё дальше, вдруг наткнулся: дверь!
Я видел, как по снегу полукруг
дверь описала, выгибая сук,
распластанный по ней и по стене.
Дверь открывалась выходом ко мне.
Я осторожно сделал первый шаг.

Translated into English by Richard MacKane

The Waste Land Walk

Part 1

Chapter 1

When I alone on the narrow embankment
trailed along past fences in the back of beyond –
and with every pace the road became more dangerous –
I dreamed of wondrous executions
in all their detail. A garden, gnawed into by winds
stretched along the wall, fumbled,
and sticking out of the snow, a dry burdock
seemed to be an image of darkness and desolation.
Boldly, then trembling scarcely visibly,
the garden splashed out, as though I had unclenched
my fist that I had clenched up till now.
I looked round – here was the landscape: fence,
tram ring, bridge across canal,
waste land, burdock and then a wall,
a wall without windows, an unsightly house...
I realised that all this view with the lifeless wall
had long been familiar to me.
I went into the garden with my shadow behind me.
The wind blew up in gusts from the canal,
the garden was a project, not an original.
The trees were flat, the snow crust – firm.
I walked like a wild man, like a robber.
I passed through black trunks,
the garden fumbled the wall, as though it was floating,
as though it had floated to the surface from the depths,
inseparable from the flat plane of the wall.
The garden rowed out, stretching out and up.
I walked on further, then suddenly bumped into a door.
I saw how the door described
a semicircle on the snow, bending a branch
flattened on it and the wall.
The door opened out to me.
Cautiously I took a first step.

За отвороты глубже сунул шарф.
И дверь закрылась с грохотом за мной.
Стена и сад остались за спиной.

Глава 2

Таков был этот сад – пейзаж души,
движенья сада были не слышны,
и продолжали видеться мне казни,
великолепные, похожие на праздник.
Да, в глубине тех захолустных улиц
тянулся сад, мерцающая, словно уголь,
и, за стволы туманные попятыся,
виднелся дуб, для будущих распятий
задуманный – был ствол его раздвоен.
Я оказался в полночь пред стеною,
на ней был сад, как бы от боли скрючен:
юродствовали веточки и сучья.
Шел ровный снег. Кругом было темно.
На стену всю – хотя б одно окно!
И слышал я – сугробы оседают,
вот водосток отрывает наледь.
Снег приподняв, шевелится трава.
Неподалеку тащится трамвай,
гостей последних, бледных развозя.
И лыжники за городом скользят.
И, глядя в потолок, еще не стар,
лежит покойник, словно Бонапарт,
сухие руки на груди сложив...
Таков был этот вид – пейзаж души:
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник и затем стена,
стена без окон, на которой сад
тянулся вверх. Был ровен снегопад.
Был ровен снегопад и был неслышен.
Сад, как душа, всё устремлялся выше,
и было страшно в комнате ночной
лежащему с уснувшею женой.
Казалось всё, что оборотнем вдруг
она проснётся. Ночь. Не спит супруг.

I tucked my scarf deeper into my collar.
The door closed behind me with a crash:
the wall and garden remained behind my back.

Chapter 2

Such was this garden – a landscape of the soul,
the movements of this garden were not audible
and I continued to see visions of executions,
wondrous as holidays.
Yes, in the depth of those streets in the back of beyond
the garden stretched out glistening like coals
and backing up beyond the misty trunks
an oak tree could be seen – thought up
for future crucifixions – its trunk was split in two.
At midnight I found myself in front of the wall,
the garden was on it, writhing as though in pain:
the twigs and branches were playing the holy fool.
It was snowing evenly. It was dark all around.
There wasn't a single window in the wall!
And I heard – the snowdrifts settling
and the drainpipe belching onto ice.
The grass rustled as it gently lifted the snow.
A tram was trailing along not far away,
carrying to their stops the last, pale guests.
The skiers were gliding beyond the city.
Looking up at the ceiling, still not old,
a dead man is lying, like a Bonaparte,
his gaunt hands folded on his breast...
That was the scene – a landscape of the soul:
tram ring, bridge across canal,
waste land, burdock and then a wall,
a wall without windows, up which the garden
stretched. The snowfall was even.
The snow fell evenly and could not be heard.
The garden like a soul rushed ever upwards
and it was terrifying in the night room,
lying with my wife asleep.
It seemed that suddenly she'd wake
as a werewolf. Night. The spouse does not sleep.

По потолку скользят лучи от фар,
еще смотри – шевелится фонарь
над баррикадой выставленных дров,
что в переулках проходных дворов...
Я к дубу шел, петляя меж деревьев,
и вдруг застыл пред низенькою дверью.
Я видел, как по снегу полукруг
дверь описала, выгибая сук,
распластанный по ней и по стене:
дверь открывалась выходом ко мне.
Я задержал её движение вспять,
прислушавшись, как медленно скрипят
сырые петли. Гнусный скрип в ушах
не умолкал. Я сделал первый шаг.
То закрывая, то впуская свет,
скрипела дверь, царапаясь о снег,
и я шагнул в пустую глубину,
назад уже решаешь не повернуть.

Глава 3

На лестничной площадке мрак был. В дверь
врывался ветер, поднимая вверх
снежинки, освещенные извне.
Я шел вперед на ощупь, по стене.
Ни лестницы здесь не было, ни двери.
Но я подумал, сам себе не веря,
что дальше будет выход. Спичку сжег.
Открылись тени. Различил комок
газеты, пол, составленный из плит,
глухую стену – и, решаешь ступить
еще на шаг, я посмотрел за спину:
проход был черен, время было длинно.
Закрылась дверь, впустившая меня.
Вот перечень сегодняшнего дня,
тот, что запомнил. Утро. Снег чуть розов.
Кругом пейзаж февральского мороза.
Над длинным зданьем сонного дворца
явление солнца призраком родства
с прошедшим веком, коий так развернут,
что нет труда представить себя мертвым

Headlights' beams slide over the ceiling,
look closer and the streetlamp stirs
over the barricade of stacked wood
in the lanes of courtyard passages...
I went to the oak, dodging through the trees,
and suddenly froze before the lowish door.
I saw how the door described
a semicircle on the snow, bending a branch
flattened on it and the wall.
The exit door opened to me
I held its movement back,
listening how the damp hinges
creak. The disgusting creaking
I heard did not stop. I took the first step.
Now closing, now letting in light
the door creaked, scratching on the snow,
and I stepped into its empty depth,
deciding not to turn back.

Chapter 3

It was dark on the stairs' landing.
Wind tore in, lifting
the snow, illuminated from inside.
I felt my way forward along the wall.
There was no staircase, no door,
but I thought, not really trusting myself
that there would be a way out. I struck a match.
The shadows opened. I discerned a nest
of newspaper, a floor made of slabs,
a dull wall, and deciding to take
a further pace, I looked behind my back:
the passage was black, time was long.
The door, that had let me in, closed...
This is my record of today,
or what I remembered. Morning. Snow slightly pink.
All around the landscape of February frost.
Over the long building of the sleepy palace
the appearance of the sun was like a ghost of kinship
with the past century that was so involving
that there was no difficulty in imagining oneself to be a dead

цареубийцей. Площадь. Ангел. Крест.
Пейзаж обычный петербургских мест.
День. Над столом моим скопление света,
листы бумаги, «Мерседес» – приметы
моих трудов. Я занят, я пишу,
когда смотрю в окно, то слышу шум
всей улицы и знаю – рядом церковь.
Пишу – кварталом отделен от центра.
На куполах залитый солнцем снег.
Вот голуби проносятся в окне.
С визитом – гость, и с ужином – жена.
Гость тет-а-тет, гость – крыса, гость – журнал.
Вечерний бридж, и всё благопристойно,
и все сидят, скосившись на съестное,
но каждый занят высшим, каждый сам,
и длинно всё, длиннее книги Царств.
Но, ворот свой подняв, уходит сумрак
на пустыри окраин Петербурга,
идёт впотьмах по набережным сонным,
где город спит, газонами изогнут,
где тёмный сад, изглоданный ветрами,
как по стене, вытягиваясь, шарит.
Вышагивает ветер час за часом
какой-то юноша, нечесаный, несчастный,
и тащится, вынюхивая самок,
еще один, – возможно, тот же самый.
Я обогнал их трусовато, боком –
и оказался пред стеной без окон.
На ней был сад, и вытянут, и сплющен,
один из вариантов райской кущи.
Бесплотный, безобъемный сад теней.
И я вошел в него, приблизившись к стене,
нельзя сказать, чтобы совсем не струсив,
а рядом были виды захолустья:
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник и затем – стена,
стена без окон, безобразный сад.
Неслышно продолжался снегопад.
И, за стволы туманные попятясь,
там дуб стоял подобием распятыя.

tsaricide. Square. Angel. Cross.

A usual landscape of Petersburg sites.

Day. On my table a gathering of light,

sheets of paper, my Mercedes typewriter – the signs

of my labours. I'm busy. I'm writing,

when I look out of the window I hear the sounds

of the whole street and know there is a church nearby.

I'm writing – separated by the borough from the centre.

On the domes snow flooded with sun.

See the pigeons racing outside the window.

A visitor comes, dinner with the wife.

Tête à tête with the visitor and a rat, the visitor, a newspaper.

Bridge in the evening and everything is decent,

all sit and glance at the food,

as if everyone has higher thoughts, everyone is themselves

and everything is long, longer than the Book of Kings.

But putting up its collar, the twilight goes off

to the waste land of the Petersburg suburbs,

walks in the dark along sleepy embankments,

where the city sleeps, circled with lawns,

where the dark garden, gnawed at by winds,

fumbles, stretching over the wall.

Some young man, hair tousled, troubled,

paces the wind house after house

and another trails along, sniffing

the bitches – perhaps the same one.

I overtook them like a coward

and found myself by the wall without windows.

On it was the garden, stretched out, flattened,

one of the variants of a heavenly Eden.

The fleshless, volumeless garden of shadows.

And I entered it and approached the wall.

I couldn't say that I was completely unspooked

and alongside were visions of the back of beyond:

tram ring, bridge across the canal,

waste land, burdock and then the wall.

wall without windows, the ugly garden.

The snowfall continued silently.

Back up beyond the misty trunks

an oak stood like a crucifixion.

Был ствол его раздвоен широко:
игра природы, мысли – для кого?
Я двинулся к нему через деревья
и замер вдруг пред низенькою дверью.
Я оттолкнул ногой ее. Черно
за дверью было. Тень моя за мной
скользнула вглубь, и, отделив от мира
меня и тень, за нами дверь закрылась.
Кругом был мрак. Я спичку сжег и тихо
пошел вперед, и вот наткнулся: выход.

Глава 4

Дверные щели пропускали свет.
За спину глянул, в стороны и вверх,
чтобы запомнить переход свой, но
кругом было по-прежнему черно,
и только впереди сквозь узенькие щели
цедился свет: там фонари горели,
там, – я подумал, – я увижу двор
и с фонарем, и с выставкою дров,
и с окнами, завешанными на ночь.
Я в дверь ногой ударил... Было рано.
Часа, должно быть, два, и то от силы.
Моя жена, должно быть, погасила
двойное бра и, лежа на спине,
тревожится, должно быть, обо мне.
На босу ногу в шлепанцах сосед
прошел по коридору: гасит свет,
к себе вернулся, быстро запер дверь,
должно быть, лег сейчас и смотрит вверх.
По потолку скользят лучи от фар,
еще смотри – шевелится фонарь
над баррикадой выставленных дров,
что в переулках проходных дворов.
Плодят ручьи разбухшие сугробы.
Под одеялом, чтобы лечь удобней,
два тела изгибаются, скользят.
Потом всё тихо – за стеною спят.

Its trunk was cleft broadly:
nature's game, for whom are these thoughts?
I moved on it through the trees
and froze suddenly before the lowish door.
I shoved it from me. It was black
beyond the door. My shadow
slid in deep after me and the door shut
after us, separating me and my shadow from the wall.
It was dark all around. I struck a match and quietly
went ahead, and stumbled on the way out.

Chapter 4

Cracks in the door let through light.
I looked behind me, to the sides and up,
to remember how I had come over, but
as before it was all black
and only ahead through the narrow crack
the light filtered: there the streetlamps burned,
there I thought I will see the yard
with the lamp and the stacked firewood,
with windows curtained for the night.
I kicked the door... It was early,
must have been barely two o'clock.
My wife must have extinguished
her double-cupped bra and, lying on her back,
must be worrying about me.
Bare feet in slippers our neighbour
must be walking along the corridor, putting out the light,
returning to his room, swiftly locking the door,
must have laid down now and be looking upwards.
Headlight beams slide over the ceiling,
look again, and the streetlamp is stirring
over the barricade of stacked firewood
that is in the lanes of the courtyard passages.
The swollen snowdrifts multiply.
Two bodies bend into each other and slide
under the blanket so as to lie more comfortably.
Then everything is quiet. They're asleep in the next room.

Голоса:

– Ты засыпаешь?

– Нет! Который час?

– Должно быть, три. У твоего плеча,
как в лодке.

– На стене...

И на стене –

безлистный сад.

Прогуливая тень,

идет любовник, разветвляя куст
своих теней. Потрескиванье. Хруст.

В постели упражняется фантаст:

за чью-то жизнь всего себя отдаст.

Ночь – воскресенье мыслей и добра.

Пусты все магазины до утра.

Снег освещает церковь, тихий сквер,
его ограду...

Я ударил в дверь

и выскочил на улицу, как вор,

но увидал: не дом жилой, не двор,

не площадь и не рынок, не завод,

не пригород в лесничестве, не род

воображенья: горы ли, Эдем,

не царство теней и не летний день,

не эшафоты, даже не шабаш

весёлых ведьм – я увидал пейзаж:

кольцо трамвая, мост через канал,

пустырь, репейник, за спиной – стена,

стена без окон, на которой сад

юродствовал. Был ровен снегопад.

Ни встречного, ни окон, ни дворов.

Всё тот же снег, но без моих следов.

И фонари по-прежнему стучат.

Всё тот же сад, прижатый к кирпичам.

Всё тот же вид: булыжник и канал.

И за спиной, и по бокам – стена,

которую насквозь прошел затем,

чтоб снова опознать себя и тень

в пустом саду, бесплотном и пустом.

V o i c e s:

– Are you asleep?

– No! What time is it?

– It must be three. Your shoulder's
like in a rowboat.

– On a wall...

And on the wall
the leafless garden.

Walking the shadow
the lover goes on, parting the bush
of his shadows. Creaking, Crunch.

The fantasist is exercising in bed:
for someone's life he'll give all himself.

Night is the resurrection of thoughts and good.

All the shops are empty till morning.

The snow illumines the church, the quiet square,
its fence...

I hit the door

and jumped out onto the street like a thief,
but saw: not a house, not a courtyard,
not a square and not a market, not a factory,
no wooded suburbs, not a sort
of imagining: mountain, Eden,
not the kingdom of shades and not a summer day,

not the scaffold, nor even the Sabbath
of many witches – I saw a landscape:

tram ring, bridge over the canal,
waste land, burdock, and behind – the wall,
the windowless wall, on which the garden
played the holy fool. The snow fell evenly.

No passerby, no windows, no courtyards.

The same snow but without my tracks.

The streetlamps clattered as before.

The same garden, squeezed to the bricks.

The same sight, cobblestones and canal.

And behind and to the sides – the wall
which I went straight through and then
recognised myself again and my shadow
in the empty garden, fleshless and empty.

Одна стена, одна стена – не дом.
И дверь в стене, ведущая в тиши
к такому же пейзажу – вид души:
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник и затем – стена,
стена без окон, на которой сад
всплывает вверх. Я слепо, наугад
бежать пустился, обгоняя тени,
как будто вверх по каменным ступеням.

Часть 2

Гонимый кем, почему я знаю?

Глава 1

За мной тянулся гнусный скрип дверей,
горела треть трюфелевых фонарей.
С Невы дул ветер и поземку гнал.
Льдом не закрытый, морщился канал.
К лицу был небу исполин-собор,
по композиции похожий на костер.
И я, согнувшись будто от удара,
спешил к нему по зимним тротуарам,
но, не дойдя, вдруг повернул назад:
я сызнова решил увидеть сад,
распластанный на кирпиче стены,
и тот пейзаж – создание спины,
но путь к нему был мною же запутан.
Исчезли звезды. Начиналось утро.
В прошедшем веке задували свечи.
И, как трава, проросшая из трещин,
тянулись липы берегом канала,
и шел вдоль них, как ночь назад, сначала,
следуя щитки над арками домов.
Стонали кошки, из глубин дворов
ужасным фырканьем предупреждая встречу.
В прошедшем веке чуть дымились свечи.
Тянулись вдоль воды жилые зданья.

One wall, just one wall – not a house.
And a door in the wall, leading in silence
to the same landscape – a vision of the soul:
the tram ring, bridge over the canal,
waste land, burdock and then the wall,
the windowless wall on which the garden
floated up. I blindly, randomly
set off at a run, chasing round the shadows
as though I was going up stone steps.

Part 2

Chased by who, how would I know?

Chapter 1

The disgusting creak of doors trailed after me,
a third of the streetlamps of clubs burned.
The wind blew off the Neva and swept the blizzard.
The canal was wrinkled, not yet covered in ice.
The giant-the cathedral suited the sky,
it was composed like a bonfire.
And I, hunched over as though I'd been hit,
hurried to it on the winter pavements,
but before I reached it suddenly turned back
and decided again to see the garden
spread out on the wall's bricks
and that landscape, creation of the back,
but on the road to it I got muddled.
The stars had disappeared. Morning had broken.
They were snuffing out candles in the last century
and like grass, grown through cracks,
the lime trees stretched along the canal bank
and I walked past them, the night behind, at first
following the hoardings on the arches of houses.
The cats groaned from the depths of the courtyards
with their terrible snorting anticipating an encounter.
Candles in the last century were smoking slightly.
Houses were stretching by the water.

Я был облеплен ими сбоку, сзади,
и будто бы тащил их не спеша,
с таким трудом давался каждый шаг.
Канал петлял, и вот уже – кусты,
и где-то рядом должен быть пустырь.
Вот переулки наподобье трещин.
В прошедшем веке – всё головки женщин
вдоль длинных строф и автор с чубуком.
И вот пейзаж, почти уже знаком!
Навстречу мне прохожий, столь несчастый,
бессонный юноша, потерянный, несчастный.
Второго не было, второй нашел ночлег.
Я шел вперед, продавливая снег,
всё было бело, наст еще был тверд.
Я оглянулся, увидал – забор,
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник – сразу же узнал
я этот вид, пейзаж своей души,
всё было тихо, будто оглушил
меня пустырь, – но не были видны
ни тени сада, ни простор стены...

Глава 2

С великолепных казней для зевак
мною начиналась первая глава,
но чем я дальше шел и чем быстрее,
всё явственней был слышен скрип дверей,
оставленных, где сад всё распростёр.
За площадью увидел я собор
и, вздрогнув, повернулся, и назад
пошел быстрее, чем прежде, – видно, сад,
как место преступления, тянул,
собой заполнив праздную стену.
Мерцал канал, вдали – тряслись огни.
Я шел вдоль парапета, всё один,
но скрип дверей незримой паутиной
тянулся вслед, не прерываясь, длинный,
как путь обратный из любых путей.
Был нескончаем этот скрип петель!

I was surrounded by them from the side, from the back,
and as though I was carrying them slowly
each step came to me with such difficulty.
The canal dodged and there were bushes
and somewhere alongside must be the waste land.
Here are the lanes like cracks.
In the last century there were always the little hands of women
along the long stanzas and the author with a pipe.
And here's the landscape almost familiar already!
A passerby comes towards me, a rarity,
a sleepless young man, lost, unhappy.
There was no second one – he'd found somewhere to sleep.
I walked onward, crushing the snow,
it was all white, the crust was hard.
I looked round and saw: the fence
the tram ring, bridge over the canal,
waste land, burdock – I immediately recognised
that view, the landscape of my soul,
all was silent, as though the waste land
had deafened me – but neither the shadow
of the garden, now the breadth of the wall was visible...

Chapter 2

I started the first chapter
with grand executions for idlers,
but the further and quicker I walked
the creak of doors became more pronounced,
those left where the garden trailed.
Beyond the square I saw the cathedral
and I shuddered and turned back
and walked even faster _ I saw the garden
stretching out like a crime site,
filling the idle wall with itself.
The canal glistened and in the distance lights trembled.
I walked along the parapet, completely alone,
but the creak of the doors like an invisible web
stretched after, not breaking off, long,
like any road's road back.
That creaking of hinges never ended!

И, оторваться от него спеша,
я вдвое, втрое – я убыстрил шаг,
просматривая бегло номера
домов мне встречных. Из глубин двора
так, словно человеческий подкидыш,
стонали кошки от любви, как видно!
И нестерпимая была во мне тоска,
как если б всадник вслед за мной скакал.
Я задышался, я – замедлил шаг,
свернул за угол (всё еще бежал),
но за углом, как будто поджидал,
стоял тот юноша, готовый на удар,
я отшатнулся, заслонясь рукой,
рванулся вбок, – но где-то был второй!
Всё ниже были встречные кусты,
и, наконец, я различил пустырь
и столь знакомым ставший мне пейзаж,
но вместо сада на стене – этаж
над этажом и окон пояса:
как изменилось всё за два часа!
Но, может быть, окраины меня
запутали, за вымыслом гоня, –
и я вбежал в какой-то странный двор,
затем в другой, по лестницам меж дров,
петлял и путался, как клоун и удав,
как Арлекин в предлинных рукавах,
но не было ни сада, ни стены...

Hurrying to break way from it
I went twice, thrice as fast
looking hastily at the house numbers
as I passed them. From the depths of the courtyard
like an abandoned baby
the cats groaned from love, it was plain.
And I felt an unbearable anguish
as if the horseman was galloping after me.
I choked and slowed my pace,
turned the corner (I was still running)
but behind the corner, as though he was waiting for me,
stood that young man, ready to strike.
I staggered away, holding my arm up to protect me,
rushed to the side – but the second was there!
The bushes there seemed lower now
and finally I made out the waste land
and the landscape that had become familiar to me,
but instead of the garden on the wall there was storey
after storey and a row of windows:
how everything had changed in two hours!
But perhaps the suburbs
had confused me as I chased after my idea –
and I had run into some strange courtyard,
the into another on stairs among firewood,
had dodged in and got lost like a clown or boa constrictor,
or like a Harlequin in long sleeves,
but there was no garden, and no wall.

Глава 3

Мои шаги мне были не слышны.
Еще один предвижу я повтор:
я увидел за площадью собор,
его гигантский купол, облака.
Как будто всадник вслед за мной скакал,
я повернулся – и уже бегом
я от собора скрылся за углом:
казалось, сад лишь мог меня укрыть,
подробно было цоканье копыт,
и скрип дверей был неразрывно длинен,
как старца взгляд – сюжет о блудном сыне.
Я всё бежал, пытаюсь оторваться
от скрипа ли дверей, от взгляда ль старца.
Моим движеньем смазанные зданья
мелькали возле, и я знал, что сзади
уже их тьма с колониями кошек.
И гнусный скрип обугливал мне кожу.
Исчезли звезды. Было чуть светло.
Я за угол свернул, но за углом,
расставив руки, чтобы сразу взять,
стоял всё тот же юноша. Скользя
по гололедице, рванулся я. Канал
рябь фонарей, пошатываясь, гнал,
и низкие увидел я кусты:
так значит рядом, где-то здесь, пустырь!
Бежать пытаюсь, то сходя на шаг,
я двигался, стараясь приглушать
дыхание, но вот почти в упор
наткнулся я на: улица, забор,
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник – тот пейзаж, что гнал
меня сквозь город. Не были видны
мне только тени на холсте стены.
Стена была вся в поясе окон.

Chapter 3

I could not hear my footsteps.
I was expecting another repetition:
beyond the square I saw the cathedral,
its gigantic dome, the clouds.
As though the horseman was galloping after me
I turned and vanished behind the corner
of the cathedral at a run:
it seemed only the garden could hide me,
it was as though the hoofbeats were clattering
and the creak of the doors was inexorably long,
like the look of the old father – the prodigal son theme.
I kept running, trying to tear myself away
from the creak of the doors, the look of the elder.
The buildings were a blur from my motion
and flashed past and I knew that behind them
there were hordes and colonies of cats.
The disgusting creaking charred my skin.
The stars had vanished. It was barely light.
I turned the corner, but behind the corner
with his arms held out so as to grab me
the same young man was standing. Slipping
on the black ice I rushed away. The canal
shakily chased the ripple of the streetlamps
and I saw the low bushes:
so somewhere here must be the waste land!
I moved on, trying to run
then slowing to a walk, trying to keep down
my breathing, then they hit me
in the face: street, fence,
the tram ring, bridge over the canal,
waste land, burdock – the same landscape that chased
me through the city. Only I could not see
the shadows on the canvas of the wall.
The wall was all in a row of windows.

Я в дверь скользнул: мне был проход знаком,
но, пробежав и выскочив за дверь,
я оказался в узеньком дворе,
его я пересек – но и за ним
был снова двор – безвыходно гоним,
я прятался по лестницам, где вровень
сходились кошки, выгнувшись, как брови
огромных глаз, и я бежал быстрей.
За мной тянулся гнусный скрип дверей.
Была во мне открытая тоска,
не то чтоб всадник вслед за мной скакал,
не то чтобы сюжет: семит и рыцарь,
но только было некуда укрыться
и невозможно было здесь остаться!

Не с просьбой – для браслетов арестантских
я вышел сам к ним, руки протянул,
в который раз пройдя через стену,
чтоб снова опознать пейзаж души
и тем пейзажем убедиться: жив!
Так вот он снова, словно приговор,
немного краток: улица, забор,
кольцо трамвая, мост через канал,
пустырь, репейник и над всем стена,
стена без окон, на которой сад
всплывает вверх, как ночь тому назад,
и дверь в стене, ведущая в тиши
к такому же пейзажу – вид души,
где тот же сад юродствует, дрожа.
Прощай, пейзажем ставшая душа!

5 марта 1964

I slid into the doorway: I knew the way in,
but having run in and jumped behind the door
I found myself in a narrow courtyard –
I crossed it, but behind it
there was another courtyard. Cornered
I hid on the stairs – the cats were coming down
onto that level, arching their backs like eyebrows
above huge eyes and I ran away faster.
The disgusting creaking of the doors pursued me.
My anguish was in the open,
not because the horseman was galloping after me,
not that the subject was the Semite and the knight,
but that there was nowhere to hide
and it was impossible to stay here!

Not with a request – but I came out to them
with my hands held out for the handcuffs of arrest,
going through the wall for the umpteenth time,
to once again recognise the landscape of the soul
and to be convinced by the landscape that I am alive!
So here it is once again like a sentence,
but a short one: street, fence,
tram ring, bridge over the canal,
waste land, burdock, and over it all the wall,
the windowless wall in which the garden
floats up like the night before,
and the door in the wall, leading in the silence
to the same landscape – a vision of the soul,
where the same garden trembles and plays the holy fool.
Farewell soul who has become the landscape!

5 March 1964

***

Что явит лот, который брошен в небо?

Я плачу, думая об этом.

Произведением хвалебным
в природе возникает лето.

Поток свирепый водопада
висит, висит в сияньи радуг.

Повсюду расцвели ромашки.

Я их срываю проходя.

Там девочки в ночных рубашках
резвятся около дождя.

Себя в траве лежать оставив,
смотрю, как падает вода:

я у цветов и речек в славе,
я им читаю иногда.

Река, приподнята плотиной,
красиво в воздухе висит,
где я, стреноженный картиной,
смотреньем на нее красив.

На холм воды почти садится
из ночи вырванная птица,
и пахнет небом и вином
моя беседа с тростником.

<Март> 1968

Traduzione italiana di Massimo Maurizio

* * *

Che cosa mostrerà lo scandaglio che in cielo è gettato?

Ma se io ci penso mi viene da piangere.

E nella natura vien fuori l'estate
come opera d'arte che vuole piaggiare.

Il flusso di una cascata, malvagio,
nell'arcobaleno che brilla ha rifugio.

Dovunque fioriscono le margherite.

Le strappo via mentre in mezzo ci passo.

Ragazze in camice da notte vestite
accanto alla pioggia si godon lo spasso.

Io resto sdraiato nell'erba e soltanto
osservo cadere giù l'acqua in volte:

di fiori e di piccoli fiumi son vanto
io, leggo a loro i miei versi talvolta.

Il fiume stupendo in aria si rizza
in alto, la diga ne innalza il livello,

laddove un quadro mi immobilizza
e nel mio guardare divento io bello.

E pare posarsi, o quasi, un uccello
strappato dal buio, sul colle del ruscello,

la conversazione col giunco mia emana
odore di cielo e odore di vino.

<Marzo> 1968

Сонет душе и трупу Н. Заболоцкого

Есть легкий дар, как будто во второй
счастливый раз он повторяет опыт.
(Легки и гибки образные тропы
высоких рек, что подняты горой!)

Однако мне отпущен дар другой:
подчас стихи – изнеможенья шепот,
и нету сил зарифмовать Европу,
не говоря уже, чтоб справиться с игрой.

Увы, всегда постыден будет труд,
где, хорошея, розаны цветут,
где, озвучив дыханием свирели

своих кларнетов, барабанов, труб,
все музицируют – растения и звери,
корнями душ разваливая труп!

Май, вечер <1968>

Sonetto all'anima e al cadavere di N. Zabolockij

Ci sono dei regali che danno gioie forti:
se lui facesse ancora un tentativo, a buon fine
(leggere, sinuose nei versi sono le stradine
di fiumi posti in alto: come monti stanno erti!)

Ma a me un dono differente è toccato in sorte:
i versi son talvolta d'apatia le paroline
e non si possono trovare con "Europa" rime
o cavarsela nel gioco, avere buone carte.

Ahimè, il lavoro non potrà non suscitare vergogna
laddove il fiorire delle rose è un incanto,
laddove il respiro dona suoni alla zampogna

di clarinetti, di tamburi, delle trombe, e ogni
arbusto o bestia scrive la sua musica, e intanto
devasta con radici d'anima le morte spoglie!

Maggio, sera <1968>

***

Когда наступает утро, тогда наступает утро.

Дерево – это *дерево*.

И я в состоянии *сада в саду*.

Ветер Моцарта (или: вот ветер Моцарта стаю ангелов вспугнул!)

Тебе тихо?

Вот улицы с морями на конце.

Вот боль распускающегося бутона.

Вот я – навсегда я,

я навсегда устал,

мне – тихо.

Я вернулся из рая в рай.

Вернулся *задумчиво танцевать*,

задумчиво пить,

задумчиво целовать,

задумчиво верить,

я вернулся *задумчиво*.

В двух шагах от двух шагов

увидел я двойника Бога –

это был мой тройник:

бык – девочка,

бык – бабочка,

и мы пригубили друг друга.

Мы *пригубляли друг друга*,

мы *танцевали друг друга*,

мы *пили друг друга*,

пока я говорил:

– *Господи,*

Ты светишь таким светом,

что я не вижу Тебя!

1969

***

Quando giunge il mattino, allora giunge il mattino.

L'albero è *albero*.

E io sono nella condizione di *un giardino in giardino*.

Il vento di Mozart (oppure: ecco che il vento di Mozart ha spaventato uno stormo d'angeli!)

Ti senti in silenzio?

Ecco le strade che finiscono ai mari.

Ecco il dolore di un bocciolo che si dischiude.

Ecco me, me per sempre,

sarò stanco ormai per sempre,

Io sento il silenzio.

Sono tornato dal paradiso in paradiso.

Sono tornato *per danzare pensosamente,*

per bere pensosamente,

per baciare pensosamente,

per credere pensosamente,

Sono ritornato *pensosamente.*

A due passi dai due passi

ho visto il sosia di Dio –

ero io, triplicato:

il toro è una fanciulla,

il toro è una farfalla,

e noi ci siamo sorseggiati l'un l'altra.

Noi *ci siamo sorseggiati a lungo l'un l'altra,*

noi *ci siamo danzati l'un l'altra,*

noi *abbiamo bevuto l'un l'altra,*

mentre io dicevo:

– *Signore,*

Tu illumini con una luce tale

che io non Ti vedo!

1969

***

Ночью пришло письмо от дяди: «Каждый день приходится заставлять себя жить, засеивать свое небо остроумием, творчеством, подневольным весельем. Пытаться забором из каких-то встреч отгораживаться от одиночества, но увы, небо не засеивается, забор разваливается. Так-с и сидеть-с в одиночестве-с что ли-с?»

***

– Качели, – сказал дядя, – возносили меня и до высочайшей радости и роняли до предельного отчаяния. Иногда каждый такой мах растягивался на месяцы, иногда хватало и секунды, но всякий раз крайнее состояние казалось мне окончательным.

– Жизнь, – сказал дядя, – представляется мне болезнью небытия ... О, если бы Господь Бог изобразил на крыльях бабочек жанровые сцены из нашей жизни! – воскликнул дядя.

– Одиночество мое, – сказал дядя.

– Обладание мудростью, – сказал дядя, – выглядит теперь постыдным, хотя еще вчера я счастлив был возможностью учить.

– Я изрядно рассчитывал на наслаждение, которое получу от смерти, – сказал дядя, – но теперь не рассчитываю и на нее. Природа и искусства мне остопиздели.

– Нет ничего, но и ничего тоже нет, – сказал дядя, – есть только то, чего нет, но и то только часть того. Я пристально присмотрелся к тому, что, казалось мне, есть наверняка – нет того. И нет нет, – сказал дядя.

– Зачем я себе? – воскликнул дядя.

– Однако, – сказал дядя, – если Бог явит себя, то я не знал большего счастья, чем любить Его, потому что здесь не угадаешь, что реальность, что фантазия.

– Вот, – сказал дядя, – любая участь не интересует меня, ибо ни в памяти, ни в воображении не найти сносного состояния, а бульварный вопрос, что мне приятнее, тишина или музыка, решил в пользу тишины.

***

Stanotte è arrivata una lettera dallo zio: “Ogni giorno bisogna imporsi di vivere, seminare nel proprio cielo con arguzia, con arte, sforzandosi di essere allegro. Cercare di isolarsi dalla solitudine con una palizzata fatta di incontri qualunque, ma, ahimè, in cielo non si semina, e la palizzata crolla. E allora, signori, starsene con la propria solitudine, signori?”

***

– L’altalena – disse lo zio – mi portava su, fino alla gioia suprema e mi faceva scendere, fino alla disperazione più infima. A volte queste volute si protraevano per mesi, altre volte bastava un secondo, ma ogni volta lo stato d’animo estremo mi sembrava definitivo.

– La vita – disse lo zio – mi appare come una malattia del non essere... Oh, se il Signore avesse raffigurato sulle ali delle farfalle scene di genere tratte dalla nostra vita! – esclamò lo zio.

– La mia solitudine – disse lo zio.

– Possedere la saggezza – disse lo zio – sembra ora vergognoso, sebbene ancora ieri io fossi contento della possibilità di imparare.

– Facevo parecchio affidamento sulla soddisfazione che avrei ricevuto dalla morte, – disse lo zio – ma ora non ci faccio più affidamento. La natura e le arti mi hanno davvero scoglionato.

– Non esiste nulla, ma nemmeno il nulla esiste – disse lo zio – c’è solo ciò che non c’è, e solo una parte di quello. Ho guardato fisso ciò che, mi sembrava, avrebbe dovuto esistere senza alcun dubbio. Non c’è. No e poi no – disse lo zio.

– A che mi servo, io? – disse lo zio.

– Comunque – disse lo zio – se Dio si palesasse, io non conoscerei gioia maggiore che amare Lui, perché qui non puoi capire dove stia la realtà e dove la fantasia.

– Ecco – disse lo zio – non mi interessa ogni destino, giacché non è possibile ritrovare uno stato d’animo sopportabile né nella memoria, né nella fantasia, e la domanda banale su cosa mi piaccia di più tra la musica e il silenzio ha trovato una risposta in favore del silenzio.

***

Стиральная резинка вечности, слепой дозор, наделенный густоглазием, а также карманный зверинец: слоники, жирафчики, носороги-лилипуты, верблюдики – все до одного карликовые карлики, или пейзаж с грудной луной, так что в конце концов я принял (поймал) себя за летучую мышь: красавица, богиня, ангел мой, я и устье и исток, я и устье и исток!

Чем дольше я смотрел на это что, тем тише мне становилось.

Передо мной столько интонаций того, что я хочу сказать, что я, не зная, какую из них выбрать, – молчу.

Дядя был хронически несчастным человеком.

Мед человечества: кувшин со множеством не нужных ему ручек, океан старцев в утробе времени, скачки ночных чудовищ.

Мы шли Невой мимо очаровательного (несмотря на мороз) ее пейзажа.

Смерть самое лучшее.

***

– Наконец-то конец, – буркнул дядя, – снег-с идет.

Шел снег-с.

Дядя попросил меня – я не отказался.

Одно – довольно продолжительное время – я был так счастлив, что прямо-таки чувствовал, что мы уже прошли через Страшный Суд и теперь живем по его решениям: одним – рай, другим – не рай, каждому дана жизнь такая, какую он заслужил предыдущей. Потому как я тогда был удачлив во всем (потом эти удачи выглядели уже не ими) и вокруг был Гурзуф с гранатами, персиками и морем, то я предполагал, что предыдущая жизнь моя была (хоть временами) угодной Богу.

Если бы и сам я, и люди показывали на меня: Орфей!, я бы пошел в жаркие страны есть их плоды, их мясо, курить траву и цветы (моя невеста Rita мне бы их собирала). Но я не люблю таких людей, как я.

– Где же хоть что-нибудь? – сказал дядя.

Знаете ли вы последнее, что сказал дядя: «Качели оборвались: – перетерлись веревки».

Еще не август. Но уже.

<Конец 1969 или начало 1970>

***

La gomma da cancellare dell'eternità, la sorveglianza cieca attuata da un'oculata presenza, e anche la bestiolina tascabile: elefantini, giraffine, rinoceronti lillipuziani, cammellini sono tutti, fino all'ultimo nanetti tutti nani o un paesaggio con una luna da allattare cosicché alla fin fine ho scambiato me stesso per un pipistrello (mi sono trovato a esserlo): bellezza, dea, angelo mio, io sono la foce e la sorgente, io sono la foce e la sorgente!

Più osservavo tutto questo più avvertivo il silenzio in me.

Di fronte a me ci sono talmente tante intonazioni per ciò che voglio dire che, non sapendo quale scegliere, taccio.

Mio zio era una persona cronicamente infelice.

Il miele dell'umanità: una brocca con tanti manici, nessuno dei quale gli serve, un oceano di vegliardi nel ventre del tempo, i balzi di mostri notturni.

Noi passeggiavamo lungo la Neva accanto all'affascinante suo paesaggio (nonostante il gelo).

La morte è la cosa migliore.

***

– Finalmente la fine – borbottò lo zio – nevicava, già!

Già, nevicava.

Lo zio mi domandò, e io non rifiutai.

Un tempo, un tempo piuttosto lungo, sono stato così felice che sentivo con certezza che c'era già stato il Giudizio Universale e che ora stavamo vivendo secondo le regole imposte da esso: a qualcuno era toccato il paradiso, ad altri l'inferno, a ognuno era stata data la vita che aveva meritato con la vita precedente. Poiché allora avevo successo in tutte le cose che facevo (poi questi successi non sarebbero più stati tali) e attorno c'erano Gurzuf e i melograni, le pesche e il mare, io supponevo che la mia vita precedente fosse stata (almeno in parte) gradita a Dio.

Se io stesso e la gente avessimo indicato me: Orfeo!, io sarei andato nei paesi caldi a mangiare i loro frutti, la loro carne, a fumare erba e fiori (la mia fidanzata Rita li avrebbe raccolti per me). Ma io non amo quelli come me.

– Ma dov'è almeno qualcosa? – disse lo zio.

Sapete quale fu l'ultima cosa che disse lo zio: "l'altalena si è rotta; le corde si sono consumate".

Non è ancora agosto. Ma lo è già.

<Fine del 1969 o inizio del 1970>

***

Когда зимы морозный полдень
лежит натурщицей на льду,
я тем же светом переполнен,
что и державный Петербург.

Как будто нам не в расстоянье
меж зданий вытянутый век...
вдоль льдов онегинские сани
скользят тенями по Неве.

<1963?>

Охта

Заборы захолустья, замки фабрик,
дневной их свет и белые ручьи
сегодня только выпавшего снега
на склоны тихих набережных Охты.

Один я прохожу огромный мост,
всё большее пространство оставляя
там, за собой, где тянутся плоты
запорошённых первым снегом бревен.

Возможно, что когда-нибудь под старость
я поселюсь на правом берегу,
чтоб видеть баржи в утро ледостава,
расплывшийся под солнцем Петербург.

Декабрь 1963

Traduzione italiana di Remo Faccani

***

Posa il brinato meriggio d'inverno
sul ghiaccio come una modella nuda
ed ecco in me la stessa luce ferve
che inonda la regale Pietroburgo.

Quasi che il secolo teso fra i palazzi
fosse per noi a portata di mano...
sulla Nevà come ombre in fuga passano,
lambendo i ghiacci, slitte oneginiane.

<1963?>

Ochta

Steccati agresti, rocche di opifici,
la loro luce chiara e i bianchi rivoli
di freschissima neve sui declivi
dei silenziosi lungofiumi di Ochta.

Dal grande ponte mi allontanano, solo,
e dietro di me lo spazio si dilata,
laggiù dove si tendono le zattere di travi
coperte dalla prima nevicata.

Ormai in là con gli anni, un giorno forse
cercherò casa sulla riva destra,
per vedere un mattino le chiatte nella morsa
del ghiaccio e Pietroburgo sparsa al sole.

Dicembre 1963

***

Как стихотворец я неплох
всё оттого, что, слава Богу,
хоть мало я пишу стихов,
но среди них прекрасных много!

<28 марта> 1968

***

Благодарю Тебя за снег,
за солнце на Твоем снегу,
за то, что весь мне данный век
благодарить Тебя могу.

Передо мной не куст, а храм,
храм Твоего КУСТА В СНЕГУ,
и в нем, припав к Твоим ногам,
я быть счастливей не могу.

<1969>

***

Sono un verseggiatore non mediocre
e per questo motivo, grazie al Cielo,
se anche di versi io ne scrivo pochi
fra essi molti ce n'è belli davvero!

<28 marzo> 1968

***

Ti rendo grazie per la neve, per
il sole che alla Tua neve dà sfarzo,
e perché posso, quant'è lungo il tempo
donato al viver mio, renderTi grazie.

Non ho di fronte un rovetto, ma un tempio,
quello del Tuo ROVETO NELLA NEVE,
e in esso io, caduto giù ai Tuoi piedi,
maggior felicità non posso chiedere.

<1969>

***

Лист разлинованный. Покой.
Объем зеркал в бору осеннем,
и мне, как облаку, легко
меняться в поисках спасенья,
когда, оставив в точку взгляд,
впотьмах беседа со мной,
ты спросишь, свечкой отделись,
не это ли есть шар земной?

<1963?>

***

Ты слышишь, шлепает вода
по днищу и по борту вдоль,
когда те двое, передав
себя покачиванью волн,

лежат, как мертвые, лицо
к покою неба обратив,
и дышит утренний песок,
уткнувшись лодками в тростник.

Когда я, милый твой, умру, –
пренебрегая торжеством,
оставь лежать меня в бору
с таким, как у озер, лицом.

1963

Übersetzt ins Deutsche von Gisela Schulte und Marina Bordne

***

Ein liniertes Blatt. Schweigen.
Herbstlicher Waldraum – spiegelgedehnt,
und mir wie der Wolke ist zu eigen
leichte Verwandlung – Rettung ersehnt.
Und dann ein Punkt in der Augen Halt,
wo man im Dunkeln miteinander spricht,
fragst du, abgesondert wie ein Kerzenlicht,
ist das nicht der Erde Gestalt?

<1963?>

***

Du lauschst, das Wasser schlägt
entlang dem Boden und dem Rand daneben,
da die beiden, sanft bewegt,
dem Schaukeln hingegeben,

liegen, das Gesicht, wie die Toten,
zur Ruhe des Himmels gewandt,
und es atmet der morgendliche Sand,
versteckt im Schilf mit den Booten.

Wenn ich, dein Geliebter, einst sterben werde,
beachte die Festlichkeiten nicht,
lass mich einfach liegen auf des Waldes Erde,
wie beim See, mit dem gleichen Gesicht.

1963

***

Вроде игры на арфе чистое утро апреля.
Солнце плечо припекает, и словно старцы-евреи,
синевородые, в первые числа Пасхи,
в каждом сквере деревья, должно быть, теперь прекрасны.
Свет освещает стены, стол и на нем бумаги,
свет – это тень, которой нас одаряет ангел.
Всё остальное после: сада стрекозы, слава,
как, должно быть, спокойны шлемы церковей, оплывая
в это чистое утро, переходящее в полдень,
подобное арфе и кроме – тому, о чем я не помню.

5 апреля 1964

Бабочки

Над приусадебною веткой,
к жаре полуденной воскреснув,
девичьей ленты разноцветной
порхали тысячи обрезков,
и куст сирени на песке
был трепыханьем их озвучен,
когда из всех, виясь, два лучших
у вас забились на виске!

1965

***

Ein Morgen im April, wie ein Harfenspiel so rein.
Die Sonne wärmt die Schulter und Bäume ragen
wie alte Juden mit blauschwarzen Bärten an des Passahfests ersten Tagen
empor in jedem Park, schön müssen sie jetzt sein.
Licht bescheint den Tisch und das Papier darauf, liegt auf den Wänden,
Licht – das ist der Schatten, uns geschenkt von Engelshänden.
Alles übrige danach: Ruhm, Libellen, die den Garten genießen,
wie es sein soll, die ruhigen Helme der Kirchen fließen
in diesen reinen Morgen, der in den Mittag mündet,
ähnlich der Harfe und auch noch – dem, das nicht mehr
in meinem Gedächtnis gründet.

5. April 1964

Schmetterlinge

In ländlicher Szene, über den Zweigen
zur Zeit der Mittagshitze steigen
Mädchenbänder auf in buntem Reigen,
tausende von Flittern fliegen übers Land,
und den Fliederbusch im Sand
lassen sie tönend vibrieren,
als zwei der Schönsten sich kräuselnd neigen
und an eurer Schläfe pulsieren!

1965

***

В поле полем я дышу.
Вдруг тоскливо. Речка. Берег.
Не своей тоски ли шум
я услышал в крыльях зверя?
Пролетел... Стою один.
Ничего уже не вижу.
Только небо впереди.
Воздух черен и недвижим.
Там, где девочкой нагой
я стоял в каком-то детстве,
что там, дерево ли, конь
или вовсе неизвестный?

<1967?>

***

В двух шагах за тобою рассвет.
Ты стоишь вдоль прекрасного сада.
Я смотрю – но прекрасного нет,
только тихо и радостно рядом.

Только осень разбросила сеть,
ловит души для райской альковни.
Дай нам Бог в этот миг умереть
и, дай Бог, ничего не запомнив.

Лето 1970

***

Feld im Felde atme ich.
Plötzlich Schwermut. Ufer. Fluss.
Mag sein, dass das Geräusch der Schwermut sich
in den Flügeln eines Tiers verkunden muss?
Flog vorbei. Alleine steh ich hier.
Nichts seh ich mehr,
als nur den Himmel über mir.
Dunkle Luft bewegt sich kaum,
dort, wo ich als nacktes Mädchen
stand, in was man Kindheit nannte,
Was ist dort, ein Pferd, ein Baum
oder das ganz Unbekannte?

<1967?>

***

Morgendämmerung dicht hinter dir.
Entlang einem schönen Garten stehst du da,
Ich schaue – aber nichts Schönes ist hier,
Nur still und froh und nah.

Nur der Herbst wirft das Netz und bringt
Einem paradiesischen Alkoven Seelen ein.
Mach, oh Gott, dass uns in diesem Augenblick der Tod gelingt,
Und lass uns, oh Gott, ohne Erinnerung sein.

Sommer 1970

* * *

Напротив низкого заката,
дубовым деревом запряган,
глаза ладонями закрыв,
нарушил я покой совы,
что, эту тьму приняв за ночь,
пугая мышь, метнулась прочь.

Тогда, открыв глаза лица,
я вновь увидел небеса:
клубясь, клубились облака,
светлела звездная река,
и, не петляя между звезд,
чью душу ангел этот нес,
младенца, девы ли, отца?
Глазами я догнал гонца,
но, чрез крыло кивнув мне ликом,
он скрылся в темном и великом.

<Сентябрь?> 1967

Стихотворение, написанное в ожидании пробуждения

Резвится фауна во флоре,
топча ее и поедая,
а на холме сидит Даная,
и оттого вуаль во взоре,
и оттого тоска кругом,
что эта дева молодая
прелюбодействует с холмом!

Май, утро <1968>

Übersetzt ins Deutsche von Elke Erb und Olga Martynova

* * *

Gegenüber dem niederen Abendrot,
vom eichenbaumenen Baum versteckt,
habe ich mit der Hand die Augen bedeckt
und gestört in der Ruhe die Eule,
die dieses Dunkel hielt für die Nacht
und die Maus erschreckend aufbrach in Eile.

Dann ließ das eigene Gesicht
wieder schauen den Himmel ich:
die Wolken knäuelten sich zu Knäueln,
die milchene Straße strömte sacht,
und, ohne Irren im Gestirn,
der Engel trug als Seele wen
dort: Vater, Jungfrau, Wickelkind?
Die Augen holten ein den Boten,
doch, nickend rückwärts mit dem Kinn,
verschwand er mir im Dunklen, Großen.

<September?> 1967

Gedicht, in Erwartung des Erwachens geschrieben

Die Fauna, schau, tollt durch die Flora
und frißt an ihr und tritt sie nieder,
doch Danae sitzt auf dem Hügel,
ein Schleier weht im Blick verloren,
und Wehmut dunstet weit und breit,
da es, das jungfräuliche Weib,
Unzucht mit jenem Hügel treibt.

Mai, Morgen <1968>

***

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.

И дождь идет, и мокнет красота
старинной рощи, поднятой холмами.
Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!

Мы тут одни, нам люди не чета.
О, что за благо выпивать в тумане!
Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.

Запомни путь слетевшего листа
и мысль о том, что мы идем за нами.
Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?

Кто наградил нас, друг, такими снами?
Или себя мы наградили сами?
Чтоб застрелиться тут, не надо ни черта:
ни тяготы в душе, ни пороха в нагане.

Ни самого нагана. Видит Бог,
чтоб застрелиться тут, не надо ничего.

<Сентябрь 1970>

* * *

Wie gut ist es an den verlassenen Stätten,
von Menschen leeren, nicht von Göttern.
Es regnet, und die Schönheit ist die Nässe
des alten Hains, den die Hügel erhoben.

Es regnet, und die Schönheit ist die Nässe
des alten Hains, den die Hügel erhoben.
Allein sind wir hier, nicht an Menschen zu messen.
Oh, und im Nebel trinken welche Wohltat!

Wir sind hier allein, nicht an Menschen zu messen.
Oh, und im Nebel trinken welche Wohltat!
Erinnere den Weg des abgefallenen Blatts
und den Gedanken dann: wir gehen uns nach.

Erinnere den Weg des abgefallenen Blatts
und den Gedanken dann: wir gehen uns nach.
Wer hat in solche Träume uns erhoben?
Freund, kann es sein, daß wir uns selber lohnten?

Wer hat in solche Träume uns erhoben?
Freund, kann es sein, daß wir uns selber lohnten?
Sich zu erschießen hier, fehlt nichts und wieder nichts,
nicht, was die Seele bricht, noch Pulver im Revolver.

Nicht einmal der. Gott sieht,
sich zu erschießen hier, fehlt einem nichts.

<September 1970>

***

Боже мой, как всё красиво!
Всякий раз, как никогда.
Нет в прекрасном перерыва.
Отвернуться б, но куда?

Оттого, что он речной,
ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади:
что ни есть — передо мной.

<Весна? 1970>

Übersetzt ins Deutsche von Jan Wagner

* * *

Schön ist, Gott, was ich erblicke!,
Jedes Mal wie zu Beginn,
Und die Schönheit ohne Lücke.
Wegzusehen – doch wohin?

Weil vom Fluß die Zitterwinde
Wehen, sind sie frisch gekühlt.
Nichts, was hinter allem stünde.
Alles zeigt sich, unverhüllt.

<Frühling? 1970>

Мадригал

Глаза твои, красавица, являя
не церкви осени, не церкви, но печаль их.
Какие-то старинные деревья
мне были креслом, ты – моей свирелью.
Я птиц кормил, я видел каждый волос
тех длинных лилий, что сплетал твой голос.
Я рисовал его на вязкой глине полдня,
потом стирал, чтоб завтра утром вспомнить.

<Осень> 1965

***

Не сю, иную тишину,
как конь, подпрыгивая к Богу,
хочу во всю ее длину
озвучить думами и слогом,
хочу я рано умереть
в надежде: может быть, воскресну,
не целиком, хотя б на треть,
хотя б на день, о день чудесный:
лесбийская струя воды
вращает мельницы пропеллер,
и деве чьи-то сны видны,
когда их медленно пропели,
о тело: солнце, сон, ручей!
соборы осени высоки,
когда я <в> трех озер осоке
лежу я Бога и ничей.

<1966?>

Превела на српски Корнелија Ичин

Мадригал

Лепото, открише ми твоје очи
не цркве јесени, не цркве – њихов очај.
А неко древно дрвеће ми би
фотелја; свирала, пак, моја – ти.
Ја птице храних, видех сваку влас
на љиљану, што плео је твој глас.
Све цртах је на глини подневнога лета,
па брисах да се сутра опет сетим.

<Јесен> 1965.

***

Не ову, ону бих тишину,
к'о коњ, кад пропне се до Бога,
по њеној васцелој дужини
да мишљу озвучим и слогом,
да умрем рано ја бих хтео
у нади да ћу да воскресем,
не цео, барем трећи део,
та бар на дан, о, дивни днесе:
лезбејска водна струја хукће,
пропелер окреће на млину,
и дева сања снове туђе,
кад, отпевани, већ се вину,
о, тело: сунце, санку, врело!
у јесен високе су цркве
кад усред тројезерске трске
ја лежим – Боже, ничје дело.

<1966?>

***

Гуляя в утреннем пейзаже,
я был заметно одинок,
и с криком: «Маменьки, как страшен!»
пустились дети науток.

Но видя всё: и пруд, и древо,
пустой гуляющими сад –
из-под воды смотрела Ева,
смотря обратно в небеса...

Весна 1967

Сонет в Игарку

Ал. Ал.

У вас белее наши ночи,
а значит, белый свет белей:
белей породы лебедей
и облака, и шеи дочек.

Природа, что она? подстрочник
с языков неба? и Орфей
не сочинитель, не Орфей,
а Гнедич, Кашкин, переводчик?

И право, где же в ней сонет?
Увы, его в природе нет.
В ней есть леса, но нету древа:

оно – в садах небытия:
Орфей тот, Эвридике лъстя,
не Эвридику пел, но Еву!

<Июнь> 1967

***

У шетњи јутарњим пејзажем
 упадљиво сам био сам
 и с криком: «Мама, што је страхан!»
 сви клинци побегоше ван.

Ал' видеф све: језерце, древо,
 И празан од шетача врт –
 Из воде гледала је Ева,
 У небо глед јој беше упрт...

Пролеће 1967.

Сонет за Игарку

Ал. Ал.

Код вас су беље наше ноћи,
 што значи, бели зрак је бељи:
 још бељи – лабудови бели
 и кћери врат, и облак моћни.

Природа, шта је? Превод, певан
 с небеских језика? И Орфеј
 нит' стваралац је, нити Орфеј,
 већ Гнедич, Кашкин, тек препевар?

И стварно, где је у њој сонет?
 У природи га нема, о, не.
 У њој су шуме, ал' без дрва:

у врту неземаљском – види га:
 а Орфеј, ласкав с Еуридиком,
 не поја тада њу, нег' Еву!

<Јун> 1967.

1

На небе молодые небеса,
и небом полон пруд, и куст склонился к небу,
как счастливо опять спуститься в сад,
доселе никогда в котором не был.
Напротив звезд, лицом к небытию,
обняв себя, я медленно стою...

2

И снова я взглянул на небеса.
Печальные мои глаза лица
увидели безоблачное небо
и в небе молодые небеса.
От тех небес не отрывая глаз,
любуюсь ими, я смотрел на вас...

Лето 1967

***

Хорошо гулять по небу,
что за небо! что за ним?
Никогда я прежде не был
так красив и так маним!

Тело ходит без опоры,
всюду голая Юнона,
и музыка, нет которой,
и сонет несочиненный!

Хорошо гулять по небу.
Босиком. Для моциона.
Хорошо гулять по небу,
вслух читая Аронзона!

Весна, утро <1968>

1
 На небу млађаних небеса скрб,
 и рибњак неба пун, и жбун све ближи небу,
 о, среће ли што опет ћу у врт,
 у коме никада до сада не бех.
 Спрам звезда, лицем ка небитку, сам,
 загрлив себе, стојим ноћ и дан.

2
 И опет погледах небеса скрб.
 Кад уцвељене моје очи лица
 приметише тек једно ведро небо,
 у небу млађаних небеса скрб.
 Са тих небеса ја не спуштах глед,
 очаран, гледах вас у недоглед...

Лето 1967.

***

Лепо је кад шеташ небом,
 шта је неба! Шта је иза?
 Никад нисам још изглед'о
 тако леп и тако гиздав!

Тело креће се наслепо,
 свуд су нагости Јуноне,
 гласба, какве нема светом,
 и ненаписани сонет!

Лепо је кад шеташ небом.
 Тако бос. Усред озона.
 Лепо је кад шеташ небом,
 читајући Аронзона!

Пролеће, јутро <1968>

***

Как стихотворец я неплох
всё оттого, что, слава Богу,
хоть мало я пишу стихов,
но среди них прекрасных много!

<28 марта> 1968

***

Дурна осенняя погода:
кругом тоска и непогода.
Понур октябрь в октябре,
и в скуке не отыщешь брода.
Одно спасение – колода.
Или, колоды не беря,
сесть перечитывать себя.

<1968>

***

Ко стихотворац нисам лош
јер пишем мало, хвала Богу,
по који стих ил' мање још,
ал прелепих је зато много!

<28. март>1968.

***

У јесен рђаво је време:
одасвуд туга и невреме.
Октобар тоне у октобру,
не нађох газ кроз јад и чемер.
И спас је само трупац бремен.
Ил', трупац пустивши низ лепет,
да седнем и да читам себе.

<1968>

Два одинаковых сонета**1**

Любовь моя, спи, золотко мое,
вся кожей атласною одета.
Мне кажется, что мы встречались где-то:
мне так знаком сосок твой и белье.

О, как к лицу! о, как тебе! о, как идет!
весь этот день, весь этот Бах, всё тело это!
и этот день, и этот Бах, и самолет,
летающий там, летающий здесь, летающий где-то!

И в этот сад, и в этот Бах, и в этот миг
усни, любовь моя, усни, не укрываясь:
и лик и зад, и зад и пах, и пах и лик –
пусть всё уснет, пусть всё уснет, моя живая!

Не приближаясь ни на йоту, ни на шаг,
отдайся мне во всех садах и падежах!

2

Любовь моя, спи золотко мое,
вся кожей атласною одета.
Мне кажется, что мы встречались где-то:
мне так знаком сосок твой и белье.

О, как к лицу! о, как тебе! о, как идет!
весь этот день, весь этот Бах, всё тело это!
и этот день, и этот Бах, и самолет,
летающий там, летающий здесь, летающий где-то!

И в этот сад, и в этот Бах, и в этот миг
усни, любовь моя, усни, не укрываясь:
и лик и зад, и зад и пах, и пах и лик –
пусть всё уснет, пусть всё уснет, моя живая!

Не приближаясь ни на йоту, ни на шаг,
отдайся мне во всех садах и падежах!

Два иста сонета

1

Љубави моја, спавај, злато моје,
у кожу атласну тек одевена.
Све мислим да те видех давног трена
јер знане су ми брадавице твоје.

О, како ти! како пристаје! како лицу!
сав овај дан, сав овај Бах, све ово тело!
и овај дан, и овај Бах, и летелица,
што лети тамо, лети овде, лети смело!

У овом врту, овом Баху, овом часу,
љубави моја, заспи, зрак нек те покрива:
и глас и бок, и бок и прст, и прст и глас –
нек заспи све, нек заспи све, да си ми жива!

Нимало ближа, ни за корак, ни за длаку,
предај ми се у падежу и врту сваком!

2

Љубави моја, спавај, злато моје,
у кожу атласну тек одевена.
Све мислим да те видех давног трена
јер знане су ми брадавице твоје.

О, како ти! како пристаје! како лицу!
сав овај дан, сав овај Бах, све ово тело!
и овај дан, и овај Бах, и летелица,
што лети тамо, лети овде, лети смело!

У овом врту, овом Баху, овом часу,
љубави моја, заспи, зрак нек те покрива:
и глас и бок, и бок и прст, и прст и глас –
нек заспи све, нек заспи све, да си ми жива!

Нимало ближа, ни за корак, ни за длаку,
предај ми се у падежу и врту сваком!

***

На стене полно теней
от деревьев. (Многоточье)
Я проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

В рай допущенный заочно,
я летал в него во сне,
но проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

Хоть и ночи всё длинней,
сутки те же, не короче.
Я проснулся среди ночи:
жизнь дана, что делать с ней?

Жизнь дана, что делать с ней?
Я проснулся среди ночи.
О жена моя, воочью
ты прекрасна, как во сне!

<1969>

***

Несчастно как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо – где оно?
Лишь лета нежилой каркас
гостит в пустом моем лорнете.
Полулечу. Полулечу.
Кто там полуполетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
кивком раскланявшись, влетаем.
Нет, даже ангела пером
нельзя писать в такую пору:
«Деревья заперты на ключ,
но листьев, листьев шум откуда?»

<Ноябрь–декабрь?> 1969

***

Зид од прегршт сена чин
дрвећа је. (Ту три тачке.)
Пренух се, а ноћ без зрачка:
дат је живот, шта ћу с њим?

Рај ме прими наглавачке,
летех у њем кад год сних,
пренух се, а ноћ без зрачка:
дат је живот, шта ћу с њим?

Ноћи све су дуже, ни
обданица није краћа.
Пренух се, а ноћ без зрачка:
дат је живот, шта ћу с њим?

Дат је живот, шта ћу с њим?
Пренух се, а ноћ без зрачка.
Жено моја прегалачка,
збиља лепа си ко сни!

<1969>

***

Баш јадно је у Петербургу.
Кад гледаш небо – нема га.
Тек лета неусељив дом
у празном гостује лорњету.
Ја полулежим. Полулетим.
Ко полулети ми у срет?
Кроз отвор уста једно другом
улетесмо, поклонив се.
Не, анђела чак не смеш пером
да црташ у оваквом часу:
"Кад дрвеће већ чува кључ,
Одакле лишћа, лишћа шумор?"

<Новембар – децембар?>1969.

***

Всё лицо: лицо – лицо,
пыль – лицо, слова – лицо,
всё – лицо. Его. Творца.
Только сам Он без лица.

1969

***

Благодарю Тебя за снег,
за солнце на Твоем снегу,
за то, что весь мне данный век
благодарить Тебя могу.

Передо мной не куст, а храм,
храм Твоего *куста в снегу*,
и в нем, припав к Твоим ногам,
я быть счастливей не могу.

<1969>

***

Красавица, богиня, ангел мой,
исток и устье всех моих раздумий,
ты летом мне ручей, ты мне огонь зимой,
я счастлив оттого, что я не умер
до той весны, когда моим глазам
предстала ты внезапной красотой.
Я знал тебя блудницей и святою,
любя всё то, что я в тебе узнал.
Я б жить хотел не завтра, а вчера,
чтоб время то, что нам с тобой осталось,
жизнь пятилась до нашего начала,
а хватит лет, еще б свернула раз.
Но раз мы дальше будем жить вперед,
а будущее – дикая пустыня,
ты в ней оазис, что меня спасет,
красавица моя, моя богиня.

<Начало 1970>

***

Све је лик: лик је лик,
прах је лик, реч је лик,
све је лик. Творца свог.
Нема лик само Бог.

1969.

***

Теби благодарим за снег,
за сунце насред Твога снега,
за то што свој ћу васцел век
да Ти благодарим, пре свега.

Не грм, то преда мном је храм,
храм Твога *грма усред снега*,
и ту, крај Твојих ногу, сам,
ја радост осећам, пре свега.

<1969>

***

Лепотице, анђелку, моја богињо,
и извору, и ушће мога ума,
у лето ти си врело, зими – огњиво,
и срећан сам што, ипак, нисам умро
пре пролећа, кад ти у мојим очима
показа се у ненадној лепоти.
И блудну знадох те и свете плоти,
и волех све у теби, што ме опчиња.
Не сутра, хтео бих да живим јучерма,
да време које на нас двоје чека
уназад живот прође, до почетка,
а буде л' лета – једном још да случе нас.
Но ако ћемо живети и надаље,
будућност где су пустиња и глогиње,
у њој оаза си, мој спас и надање,
лепотице ти моја, моја богињо.

<Почетак 1970>

***

Боже мой, как всё красиво!
Всякий раз, как никогда.
Нет в прекрасном перерыва.
Отвернуться б, но куда?

Оттого, что он речной,
ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади:
что ни есть – передо мной.

<Весна? 1970>

***

Как хорошо в покинутых местах!
Покинутых людьми, но не богами.
И дождь идет, и мокнет красота
лесных деревьев, поднятых холмами.

И дождь идет, и мокнет красота
лесных деревьев, поднятых холмами, –
как хорошо в покинутых местах,
покинутых людьми, но не богами!

<Сентябрь 1970>

***

Боже мој, ал' све је лепо!
Сваки пут к'о никад пре.
Нема предаха у лепом,
да се склоним, али где?

Да ли што је с реке он,
прохладан је несмај-ветар.
Иза – ниоткуда света,
све што јесте – преда мном.

<Пролеће 1970>

***

О, леп ли је тек напуштени крај!
Кад напусте га људи, а не богови.
И пада дажд, и кисне гола крас
дрвећа шумског, што га дижу чотови.

И пада дажд, и кисне гола крас
дрвећа шумског, што га дижу чотови –
о, леп ли је тек напуштени крај,
кад напусте га људи, а не богови!

<Септембар 1970>

Послание в лечебницу

В пасмурном парке рисуй на песке мое имя, как при свече,
и доживи до лета, чтобы сплестать венки, которые унесет ручей.
Вот он петляет вдоль мелколесья, рисуя имя мое на песке,
словно высохшей веткой, которую ты держишь сейчас в руке.
Высока здесь трава, и лежат зеркалами спокойных небыстрых небес
голубые озера, качая удвоенный лес,
и вибрируют сонно папиросные крылья стрекоз голубых,
ты идешь вдоль ручья и роняешь цветы, смотришь радужных рыб.
Медоносны цветы, и ручей пишет имя мое,
образуя ландшафты: то мелкую заводь, то плес.
Да, мы здесь пролежим, сквозь меня прорастает,

ты слышишь, трава,
я, пришитый к земле, вижу сонных стрекоз, слышу только слова:
может быть, что лесничество тусклых озер нашей жизни итог:
стрекотанье стрекоз, самолет, тихий плес и сплетенье цветов,
то пространство души, на котором холмы и озера, вот кони бегут,
и кончается лес, и, роняя цветы, ты идешь вдоль ручья
по сырому песку,
вслед тебе дуют флейты, рой бабочек, жизнь тебе вслед,
проводя тебя, все зовут, ты идешь вдоль ручья, никого с тобой нет,
ровный свет надо всем, молодой от соседних озер,
будто там, вдалеке, из осеннего неба построен

высокий и светлый собор,
если нет его там, то скажи ради Бога, зачем
мое имя, как ты, мелколесьем петляя, рисует случайный,
небыстрый и мутный ручей,
и читает его пролетающий мимо озер в знойный день самолет,
может быть, что ручей – не ручей,
только имя мое.

Так смотри на траву, по утрам, когда тянется медленный пар,
рядом свет фонарей, зданий свет, и вокруг твой
безлиственный парк,
где ты высохшей веткой рисуешь случайный,
небыстрый и мутный ручей,

Do češtiny přeložila Radka Bzonková

Epištola do léčebny

V pošourném parku kreslí do písku jméno mé, jak při svíčce,
a dožij do léta, abys pletla věnce, jež potok odnese.

Vždyť klikatí se podél řídkého lesa, kreslí do písku jméno mé,
jako suchou větévkou, kterou teď držíš v ruce.

Vysoká je tu tráva, leží zde modrá jezera jak zrcadla
klidného pomalého nebe

a houpou zdvojený les,
ospale vibrují cigaretová křídla vážek modravých,
ty jdeš podél potoka a házíš do něj květy, díváš se na duhové ryby.

Medonosné květy a potok píší jméno mé,
čímž tvoří krajinu: tu mělkou zátoku, tu hluboký proud.

Ano, tady si lehne, skrze mne prorůstá, slyšíš, tráva.

Já, k zemi přišitý, vidím ospalé vážky, slyším jen slova:

možná polesí matných jezer je života našeho úhrn:

cvrkot vážek, letadlo, tichý proud a spletenec květin,
ten prostor duše, na němž jsou hory a jezera, hle, tam běží koně,
a končí les a ty házíš na zem květiny, a ty jdeš podél potoka

po šedavém písku,
za tebou pískají flétny, roj motýlů, za tebou jde život,
provázejí tě a volají na tebe jménem, ty jdeš podél potoka dočista sama,
dlouhé světlo se rozprostírá nade vším, mladé sousedními jezery,
jako by tam, daleko, byl z podzimního nebe vystavěn

vysoký a světlý chrám,

a jestli tam není, tak řekni, probůh, proč
jméno mé, jako ty, kreslí náhodný a kalný potok,

když proplétá se lesíkem,
a čte ho letadlo, letící kolem jezer v tomto horkém dni,
může to být i tak, že potok není potok,
jen jméno mé.

Tak hled' na trávu, po ránu, když táhnou se pomalé mlhy,
hned vedle je světlo lamp, světlo budov a kolem tvůj bezlistý park,
v němž ty vyschlou větévkou kreslíš náhodný, pomalý a kalný potok,

что уносит венки медоносных цветов, и сидят на плече
мотыльки камыша, и полно здесь стрекоз голубых,
ты идешь вдоль воды и роняешь цветы, смотришь радужных рыб,
и срывается с нотных листов от руки мной набросанный дождь,
ты рисуешь ручей, вдоль которого после идешь и идешь.

Апрель 1964

Утро

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма.
Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма!
Чей там взмах, чья душа или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,
на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там – душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
это память о Боге венчает вершину холма!

1966

co odnáší věnce medonosných květů, a na rameni sedí
 rákosoví motýlci a tolik je tu vážek modravých.
 ty jdeš podél vody a házíš do ní květy, díváš se na duhové ryby
 a padá z notových listů mou rukou nahozený déšť,
 ty kreslíš potok, podél kterého pak jdeš a jdeš.

Duben 1964

Ráno

Každý je lehký a malý, kdo vystoupal na vrcholek vršku.
 Jak lehký a malý je ten, kdo skví se na vrchu lesnatého vršku!
 Čí je to rozmach, či duše, či snad modlitba jen?
 Mění nás v děti vrchol lesnatého vršku!
 Listí vzdálených stromů, jak drobné rybky v sítích,
 a na vrcholu vršku skví se nahé dítě!
 A jestli je to dítě, kdo povznesl je tak vysoko?
 Dětskou krví jsou zmazány stébla ostřic pískových.
 Sbíráš-li kvítky, vyslov jejich jméno: tady je sléz! a tady mák!
 To vzpomínka na ráj kráslí vrch vršku!
 Není to jezulátko, to anděl kráslí vrch vršku,
 není to krev na ostřicích, to v trávě rozrostl se mák!
 Ať je to kdo chce, dítě či anděl, zajatec vršků,
 Nutí nás padnout na kolena vrch vršku,
 na vrchu vršku padáš najednou na kolena!
 Není tam dítě, to je duše, uzamčená do dětského těla,
 není tam jezulátko, ale znak, znak toho, že Hospodin je kdesi tu!
 Listí vzdálených stromů, jak drobné rybky v sítích,
 pohlédni na vršky: na každém z nich si hraje dítě!
 sbíráš-li kvítí, vyslov jejich jméno: tady je sléz! tady je mák!
 to vzpomínka na Boha kráslí vrcholek vršku.

1966

Запись бесед

I

Чем не я этот мокрый сад под фонарем, брошенный кем-то возле черной ограды?

Мне ли забыть, что земля внутри неба, а небо – внутри нас?

И кто подползет под черту, проведенную как приманка?

И кто не спрячется за самого себя, увидев ближнего своего?

Я, – ОТВЕЧАЕМ МЫ.

Ведь велико желание помешаться.

Запертый изнутри в одиночку, возвожу себя в сан Бога, чтобы взять интервью у Господа.

Больно смотреть на жену: просто Офелия, когда она достает из прошлого века арфу, пытаясь исполнить то, чего не может быть.

Или вырыть дыру в небе.

На белые костры церковей садятся птицы, вырванные из ночи.

Или в двуречье одиночества и одиночества, закрыв ладонями глаза, нарушить сон сов, что,

эту тьму приняв за ночь,
пугая мышь, метнутся прочь.

На лугу пасутся девочки, позвякивая нашейными звонками.

Где нищий пейзаж осени приподнят старым дождиком, там я ищу пленэр для смерти.

И ем озерную воду, чтобы вкусить неба.

Свистнув реки по имени, я увожу их вместе с пейзажами.

И ем озерную воду, чтобы вкусить неба.

Но как уберечь твою красоту от одиночества?

Очарован тот картиной,
кто не знает с миром встреч.
Одиночества плотиной
я свою стреножу речь.

Кто стоит перед плотиной,
тот стоит с прекрасной миной:
рои брызг и быстрых радуг
низвергают водопады.

Záznam rozhovorů

I

Čím není mnou ten mokrý sad pod lampou, zahozený kýmisi vedle černého plotu?

Já měl bych zapomenout, že země je uvnitř nebe a nebe uvnitř nás?

A kdo doplazi se pod hranici, co leskne se jak vábnička?

A kdo neschová se za sebe sama, když potká bližního svého?

JÁ, – ODPOVÍDÁME MY.

Vždyť obrovská je touha pomínout se na rozumu.

Uzamčen zevnitř do samoty, přiděluji sám sobě hodnost Boha, abych s Hospodinem besedoval.

Trápím se při pohledu na ženu: vždyť je jak Ofélie, jež z minulého století harfu vytáhla a zkouší zahrát to, co už dávno není.

Nebo vyrýt v nebi díru.

Na bílé ohně kostelů sedají ptáci, vytržení z noci.

Aneb v dvojřeči osamění a osamění, s očima zakrytýma dlaněmi, zpřetrhat soví sen, když

se jim jako noc zazdála náhlá tma,
máchlly křídly pro strach myším a byly tytam.

Na louce pasou se dívenky, cinkají zvonci, co visí jim na krku.

Tam, kde nuznou krajinu podzimu pozvedl starý dešťík, hledám pleněť pro smrt.

A jím jezerní vodu, abych okusil chuť nebe.

Písknul jsem na řeky jejich jménem, odvedl je spolu s krajinou.

A jím jezerní vodu, abych okusil chuť nebe.

Ale jak uchránit tvou krásu před osaměním?

Na tohle hledí v zalíbení,
kdo se světem si netyká.
Svou řeč já hrází z osamění
velmi pevně obmykám.

Když stojí někdo před hrází
s krásnou minou se nachází:
kapek roje, rychlé duhy
boží, lámou vodopády.

На другом берегу листвы, – нет! на другом берегу реки, в ее листве,
я заметил ящерицу:

что это была за встреча! –

Софья Мелвилл

Софья Rita

Софья Михнов

Софья Галецкий

Софья Данте

Софья Господь Бог!

Пустые озера весов взвешивали миры и были в равновесии.

II

(партита № 6

партита № 6

номер шесть

номершесть номершесть

номершестьномершестьномершесть)

или вырыть дыру в небе.

Многократное и упорное: не то, не то, не то, не то

Многократное и упорное: то, то, то, то, то, то, то, то

Смолчал: ужели я — не он?

Ужаснулся:

суров рождения закон:

и он не я, и я не он!

Лицо на нем такое, будто он пьет им самую первую воду.

Его рукой –

немногие красавицы могли бы сравниться с ней! –

я гладил всё, как дворецкий, выкрикивая имя каждого:

гладил по голове: сердце чьей-то дочери, свое старое, засушенное

между страниц стихотворение –

голову приятеля, голову приятеля, голову приятеля.

Буквально надо всем можно было разрыдаться.

Na protějším břehu listí, – ne! Na protějším břehu řeky, v jejím listí,
zahlédl jsem ještěrku:

jaké to bylo setkání! –

Sofie Melvil

Sofie Rita

Sofie Michnov

Sofie Galeckij

Sofie Dante

Sofie Pán Bůh!

Pustá jezera vah vážila světy a byla vyrovnaná.

II

(partita N. 6

partita N. 6

číslo šest

číslošest číslošest

číslošestčíslošestčíslošest)

Nebo vyrýt v nebi díru.

Mnohonásobné a zatvrzelé: to není ono, to není ono, to není ono, to není

ono

Mnohonásobné a zatvrzelé: ono, ono, ono, ono, ono, ono, ono, ono

Nechal si pro sebe: já snad nejsem on?

Zděsil se:

krutý je zrodu zákon:

on není já, a já nejsem on!

Má na sobě takovou tvář, jako by ji pil tu nejprvnější vodu.

Jeho rukou –

té mohlo by se vyrovnat jen málo krasavic! –

hladil jsem vše, jak komoří, a vykřikoval jména toho všeho:

hladil jsem po hlavě: srdce čísi dcery, svou starou, mezi stránkami

seschlou báseň –

přítelovu hlavu, přítelovu hlavu, přítelovu hlavu.

Nad vším mohl jsem se rozplakat.

Сегодня я целый день проходил мимо одного слова.

Сегодня я целый день проходил мимо одного слова.

Уже не говорили – передавали друг другу одни и те же цветы, иногда брали маски с той или иной гримасой или просто указывали на ту или другую, чтобы не затруднять себя мимикой.

Но вырвать из цветка цветок
кто из беседующих мог?

И я понял, что нельзя при дереве читать стихи
и дерево при стихах,
и дерево при стихах,
и дерево при стихах.

III

В. Хлебникову

Если б не был он, то где бы
был его счастливый разум?
Но возможно, он и не был –
просто умер он не сразу.

И если был он где, то возле
своего сидел кургана,
где пучеглазые стрекозы
ему читали из «Корана».

И где помешанный на нежном
он шел туда, ломая сучья,
где был беседой длинной между
живую кровь любивших чукчей.

И там, где маской Арлекина
заря являлася в тумане,
он там, где не был, – всё покинул.
И умер сам, к чему рыдания?

И умер сам, к чему рыдания?
В его костях змеятся змеи
и потому никто не смеет
его почтить засмертной данью.

Dnes celý den procházel jsem kolem jednoho slova.

Dnes celý den procházel jsem kolem jednoho slova.

Už nemluvili – dávali si stejné květiny, občas si brávali masky s tou či jinou grimasou a nebo na ně jenom ukazovali, aby se netrápili s mimikou.

Avšak vytrhnout z květu květ

kdo z besedujících by sved?

A já pochopil, že nesmím číst v přítomnosti stromu básně.

a strom v přítomnosti básní,

a strom v přítomnosti básní,

a strom v přítomnosti básní.

III

V. Chlebnikovovi

Kdyby nebyl on, kde byl by
jeho velmi šťastný rozum?

At' si třeba ani nebyl,

prostě neumřel on rázem.

A kdyby býval on byl někde,
tak jen u mohyly po ránu,
kde mu vykulené vážky
předčítají z Koránu.

A kde on, posedlý něhou,
chodil tam, co větve lámal,
kde besedou bude dlouhou
mezi Čukči, popíjejícími krev.

A tam, kde úsvit v oparu
stvořil masku Harlekýna,
kde nebyl on, vše zanechal.
A umřel sám. Nač plakat?

A umřel sám. Nač plakat?
V jeho kostech had se hadí.
A proto nikdo nikdy nesmí
uctít ho posmrtnou daní.

IV

Меч о меч ——— звук.

Дерево о дерево ——— звук.

Молчание о молчание ——— звук.

Вот двое юношей борононосцев.

Вот двое юношей думоносцев.

Вот юмор Господа Бога ——— закись азота!

И я восхитился Ему стихотворением:

– Не куст передо мной, а храм КУСТА В СНЕГУ!

и пошел по улице, как канатоходец по канату,

и забыл, что я забыл,

и забыл, что я забыл.

Два фаллические стража
по бокам большой залупы –
то Мечети пестрый купол
в дымке длинного пейзажа.
Черный воин в медном шлеме –
так мне виден Исаакий,
и повсюду вздохи, шелест,
будто рядом где-то маки.

Вот стрекоза звуколетит.

И всё летящее летит,

и всё звучащее звучит.

IV

Meč o meč ———— zvuk.

Strom o strom ——— zvuk.

Mlčení o mlčení ——— zvuk.

Hle dva mladíci plnovousonosci.

Hle dva mladíci myšlenkonosci.

Hle humor Pána Boha – rajský plyn!

A já Ho blahořečím básní:

– Nestojí přede mnou keř, nýbrž chrám KEŘE VE SNĚHU!

A šel jsem ulicí jak provazochodec po provaze

a zapomněl jsem, že jsem zapomněl

a zapomněl jsem, co jsem zapomněl.

Dva faličtí strážní

po boku ohromného žaludu –

tot' pestrá kopule mešity

v oparu dlouhé krajiny.

Černý vojin v bílé přilbici –

tak se mi jeví sv. Izák,

a všude vzdechy, šelestění,

jako by někde blízko rostly máky.

Hle vážka zvukoletí.

A vše létající letí.

A vše znějící zní.

V

Бабочка

(трактат)

ВСЮДУ	бабочка	летит
Неба	бабочка	летит
Славы	бабочка	летит
Михнова	бабочка	летит
Мыслью	бабочки	летит
Звуком	бабочки	летит
В виде	бабочки	летит
Верхом на	бабочке	летит
На фоне	бабочки	летит
На крыльях	бабочки	летит
НА НЕБЕ	БАБОЧКА	СИДИТ

VI

А я становился то тем, то этим, то тем, то этим,
 чтобы меня заметили,
 но кто увидит чужой сон?

Я вышел на снег и узнал то, что люди узнают только после их
 смерти,

и улыбнулся улыбкой внутри другой:

КАКОЕ НЕБО! СВЕТ КАКОЙ!

V

Motýlek

(traktát)

VŠUDE	motýlek	letí
Nebe	motýlek	letí
Slávy	motýlek	letí
Michnovův	motýlek	letí
Myšlenkou	motýlka	letí
Zvukem	motýlka	letí
V podobě	motýlka	letí
Na hřbetu	motýlka	letí
Na pozadí	motýlka	letí
Na křídlech	motýlka	letí
NA NEBI	MOTÝLEK	SEDÍ

VI

A já stával se tu tím, tu oním, tu tím, tu oním,
 aby si mě někdo všimnul,
 jenže kdo může vidět cizí sny?

Vyšel jsem na sních a poznal to, co lidé poznávají až po své smrti,
 a usmál se úsměvem uvnitř úsměvu:

JAKÉ NEBE! JAKÉ SVĚTLO!